

ГЛАВА X СВИНЬЯ МОЕГО ХАРАКТЕРА

29 июня 1964 года

В комнате Серебрякова было чисто, хоть и не очень уютно, как-то суховато, такой торт по-немецки. Скрашивали обстановку два ковра: один на полу, второй — стекающий со стены на широкую оттоманку. Кругом книги, никаких картин, фотографий, статуэток. Аскеза ученого человека. Полковник Солнцев прекрасно знал жилую обстановку своего подопечного по фотографиям и планам негласных обысков, но лично был в гостях у Барона в первый раз.

Такие квартиры, комнаты, гостиничные номера, приспособленные специально для контактов с агентами в КГБ, называют «кукушками»: пришел сюда иностранец или народный художник Эстонской ССР потрахаться или покурить опиум, его чик-чик на пленочку — и, как говорится, «ку-ку»...

Они встретились в гастрономе напротив дома бывшего офицера полиции, у касс кондитерского отдела.

— Что-нибудь сладенького к чаю возьмем?

— Конечно, Игорь. — Полковник суетливо полез за бумажником.

— Ну-ну, Валентиныч, — по-купчески оставил его Серебряков, положив узкую ладонь на шевиотовую грудь пиджака с бумажником. — Вы

же знаете о моих поступлениях из Германии. Я зажиточный.

— Но гость-то я, — джентльменски препирался полковник. — Может, вина?

Игорь посмотрел задумчиво на дальнюю стойку винно-водочного сектора.

— Лучше шампанского. Не ущемит капитанский бюджет?

— Капитанский? Это что, по-морскому что-то? Какая-то приговорка?

— Нет, по вашему званию, — мило отставил полицай.

— А меня никто в звании не понижал. Я полковник.

— Да ладно! — законно не поверил Серебряков. — Может, генерал-полковник?

Не говоря больше ни слова, Солнцев вытащил из глубин пиджака служебное удостоверение и, стараясь сделать это незаметнее для окружающих, показал его в развернутом виде Барону.

— Мама, роди меня обратно! — поразился агент. — Не туфта? Не подстава под нашу встречу?

— Шутки в сторону: в воздухе Покрышкин! — самодовольно поразовался удивлению Серебрякова полковник КГБ.

— Да-а... Вы же знаете, Иван Валентинович, я в вашей службе кое-что кумекаю... Позвольте тогда для полной ясности посмотреть и ваш вкладыш на право ношения оружия и прочие права! Он же должен быть запаян в пластик, нет?

Ни слова больше не промолвив, Солнцев показал и этот документ, который подделать было сложнее, нежели служебное удостоверение. Хотя и оно было не из простых: во-первых, не красного, а цвета бордо, нетрадиционного размера 28x41, а наоборот: 41 в высоту и 28 в ширину. Одни словом, то самое, настоящее.

— Беру обратно, гражданин полковник. Ну, тогда банкуйте: две бутылки.

Их пребывание в супермаркете 64-го года было недолгим, а покупки скромными. Солнцев даже слегка удивился скаредности хозяина, пока они не зашли в комнату. Комната была строгой, как и в описании, но стол посредине ее был уставлен такими деликатесами, которые даже старшему офицеру КГБ были не по карману и не по пайку. Шотландский виски, соленый миндаль в красивой коробочке, мидии, которые Солнцев ел на Дальнем Востоке, но не в Москве. Форель в консервах, засоленная тонкими ломтиками... Кроме того, были предложены редкие российские деликатесы и дары Центрального рынка.

— Сегодня что — праздник какой? — мучительно вспоминал дату рождения агента полковник.

— Свадьба, — хихикнул сексот.

— Чья?

— Ну, не наша же с вами, Иван.

— Мы о посторонних не договаривались, — мгновенно напрягся чекист.

— Это не посторонние, а обслуга. Я пригласил двух барышень, чтобы они помогли на кухне. Не будем же мы от стола с шампанским бегать на кухню жарить котлеты? Нет ведь, согласитесь, полковник?

Полковник пожал плечами:

— Попросили бы, что ли, соседку...

— А их нет и сегодня не будет. Ни Митрофанова, ни Веры Николаевны. Я их отправил в Ленинград.

Приглашенными оказались две барышни, при первом взгляде на которых стало ясно, что никакого мяса они жарить не могут, равно как и чистить картошку, прибирать со стола и мыть тарелки. Это были самки. Вот их официальное положение на белом свете. В меру упитанные, молодые — лет по двадцать, веселые, с наглыми козьими глазами. Одетые в хорошие крепдешиновые платья, новомодные нейлоновые чулки и красивые туфельки. Они были причесаны, ногти маникюрены. Не всякая советская женщина

так одевается для грязной работы прислуги. Например, жена Солнцева на кухню в таком виде не выходила — это уж точно.

Полковник крикнул, когда Серебряков представлял барышень:

— Вот, девочки, мой приятель Иван. Можно Ваня. А это, Ванюша, Таня и Наташа...

— Наташа и Таня, — поправили те полиция, отмечая неверно указанные им персоналии.

— Пардон, пардон. Эти обратные чередования «н-т», «т-н»... Всегда путаюсь.

— А вы тоже научный работник, как Игорь? — спросила блондинка, присаживаясь к яствам.

— Нет, Ваня по линии торговли, — подначил Игорь.

— Ой, а чем вы торгуете? — сразу же попытались задружиться девушки с представителем такой важной профессии в дефицитном государстве.

— Мелким рисом, — хмыкнул полковник.

— Мелким? — удивилась кукольными выщипанными бровками Наташа.

— Рисом? — удивилась Таня-блондинка.

Серебряков рассмеялся;

— Он шутит! Знаете, есть такая поговорка: «Чем торгуем? Мелким рисом. Чем болеем? Сифилисом»...

Девушки выпучили глаза на двух привлекательных, но ставших вдруг опасными шутников.

— Нет, нет, киски, это шутка такая. На самом деле Ваня — заводделом духов, — он умышленно поставил ударение на первом слоге.

— Вы парфюмерией торгуете? Духами? — сразу же активно воспрянули девицы.

— Вот именно, — не дал полковнику ответить Барон. — Кстати, Иван стесняется сам и потому попросил меня вручить вам вот это.

Он жестом фокусника вытащил из-за спины две перевязанные бантами коробочки. Что тут началось! Девки с визгом кинулись разворачивать презенты, а когда увидели, что там импортные французские духи, то немедленно облили ими себя, нюхали флакончики друг друга, а затем кинулись целовать полковника Солнцева с двух сторон, хотя эти дорогие подарки тайно купил в «Березке» именно Серебряков.

Вот когда пригодилось полковничье шампанское. Серебряков целеустремленно, но с правильной временной расстановкой принялся подпавать девиц. Не для того, чтобы надругаться сразу над их нравственностью, а чтобы они быстро не напились. Поэтому он активно их подкармливал, не забывая все же чередовать тосты шипучего вина с водкой («Белый медведь») или шампанского с коньяком («Северное сияние»). Сам он

пил виски, а полковник трусливо пытался просить пива.

— Ваня, пиво с водкой — это коктейль «Бурый медведь», утром голова лопнет, поверь слову, — уверяла его Наталка-полтавка. —пей лучше чистую водку. Или с томатным соком. Нас Игорь научил, называется, кажется, «Кровавая Дина Дурбин».

— «Кровавая Мэри Пикфорд», — поправила Танюха.

Тут Серебряков завел радиолу, поставил пластинку с самой модной в то время музычкой, а именно недавно впущенной, почти западной, югославской эстрадой с их звездой Радмилой Караклаич. Звезда завопила с хорошо отрететированным акцентом: «Валентина! Тэрэшкова! Научи нас! Танцева-ать!..»

— Иван достал, — ответил на вопрос о страшном пластиночном дефиците Игорь Серебряков, кружа попеременно барышень.

Девыцы стали теревить торговца-полковника, который и сам был бы рад принести домой такой диск, да взять, кроме как за доллары, негде было.

— Ваня, Ваня, я тоже хочу, мы тоже хотим! — облизывали Танька с Натахой полкаша. — Сделай нам по штучке, Иван!

— Только «дашь на дашь», — приказал Игорь.

— Господи, да в чем дело-то? Пряма щас! — завизжали девки.

Полковник, подпоенный уже изрядно, несильно отбивался от наседавшего противника. Но молодость, хорошая закуска, широкие погоны, тайная профессия, где так мало бывает простых человеческих радостей... Кроме того, он точно знал, что квартира не стоит на прослушке: именно он и запретил, учитывая опыт клиента.

На столе уже смешалось все, как в пресловутом доме Облонских, от которого, как объяснил более опытный по прописке в Москве Игорь, была всего одна автобусная остановка.

Компания девиц, не знавшая, кто такие Облонские, предложила поехать к ним, если у тех большая квартира. А винца они по дороге купят, а?

— Нет, у них сейчас семейная неприятность! Женка застучала мужика с другой. Скандал! Он ее прямо в своем доме барал.

— Ну и дурак! — резонно отпарировала Таня-блондинка. — И ты хорош, Игоряша, не мог дать этому фраеру Обломскому ключа от своей кибатуры.

— Обломскому... Я давал, — прикладывая руку к груди и глядя честными пионерскими глазами на раскрасневшихся девушек, клялся Серебряков. — Он не брал. Потом пришлось мне телеграмму его

сестре Нюре в Питер давать. А там по-олный облом! Сеструха-то сама втрескалась в одного капитана. У нее от него приплод вышел. А Анька ведь замужем! Муж у ней — какая-то шишка в обрисполкоме. Чуть не министр, ну! Вань, ты помнишь дядю Лешу Каренина? Нет? Странно... Так муж ее чуть не убил, из дому выгнал. Она сейчас здесь на железной дороге работает, на паровозе.

Рассказывая все это, Игорь ловил опытным взглядом момент полового сближения, которое он по закоренелой антисоветской привычке называл «народ и партия едины». Когда градус страсти в комнате достиг предела кипения, Серебряков попросил Солнцева выйти на минуточку в коридор.

Он подвел полковника к распределительному щитку электросчетчиков, который запирался на особый подвесной замочек, отпер его.

— Положите, Иван Валентинович, сюда свои документы и деньги... пистолета, надеюсь, нету? А то я за девиц не очень-то ручаюсь. Могут просквозить по карманам... Вот вам ключ, оставьте у себя.

Как ни странно, но, не говоря ни слова, полковник КГБ бережно свернул в носовой платок удостоверение и гроши, спрятал их в тайнике.

Когда сдружившиеся хозяева вернулись в комнату, девушки, правильно расценившие их деликатное удаление, уже ждали их на Игорева оттоманке, покрытой простыней, абсолютно голыми. Четыре коричневых соска, по-медицински фолликулы, уперлись в лоб Солнцева, как какой-нибудь счетверенный пулемет на родном бронекатере «Зоркий». Но заглядывать в эти коричневые дула было страшнее, чем в пулеметные — инженера Дегтярева.

Полковник слегка ошалел, а европейски обратный Серебряков разделся за пять секунд в два приема: пиджак-рубашка-галстук и брюки-трусы-ботинки. Он остался в одних носках. На руке блестили дорогие часы, пробор на голове был в исключительном порядке.

Погасили свет, бывший офицер полиции Власова отдавал короткие военные приказания послушным гуриям. На свет появились подушки, пледы, задернуты были шторы, зажжена одна романтическая свеча посередине раблезианского стола среди обильных, но уже хорошо опробованных блюд.

Чьи-то опытные руки (казалось, что их шесть, как у индийского божества Шивы) распустили узел галстука полковника, расстегнули ремень, сняли ботинки, брюки, уложили на твердые перины, обвили потоками приятно пахнущих, шелковых волос, прихватили умелыми губами за святое, никогда ранее так не троганное...

Где-то часа в два ночи ужин продолжился. Правда, без прежней голодной жадности, а гурмански-изысканно. Полковник пускал дым папироски в бутылку с виски (он видел этот трюк в каком-то западном кино), Серебряков читал немного осовевшим, но все же ужасно милым и непосредственным гейшам стихи:

Стократ благородней тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
«Вот она — наша жизнь!»
Бабочкой никогда
Он уже не станет... Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру...

Девки заливались истерическим хохотом...

— Ваня, Ваня, — отрываясь от Басе, грустно сентенцировал Игорь, — никогда в жизни невозможно научиться святости, уму, смелости, решительности и хорошему аппетиту!

— Врешь, Игоряша! — задорно заявила в пику древнему философу Танька и, в противоход японским самурайским идеям, заглотила разом большой кусок семги.

— Нет, киска, ты только подтвердила мои слова.

Потом девицы по приказу эстета пели зазорные частушки. Голый Ваня-торгаш пытался записать некоторые из них, особо понравившиеся, на скатерти губной помадой...

ГЛАВА XI АМПЛУА АКТЕРА «СБИТЫЙ ЛЕТЧИК»

29 июня 1964 года

В Тель-Авиве мossaдовцы невесело сидели за круглым полированным столом и с тоской глядели на лопасти вентилятора: никакого проку от него не было. Какая несправедливость — эта погода тут, у Средиземного моря. Многие из израильских разведчиков Третьего отдела родились в Северной Европе и мучились на новой родине, после своих копенгагенов, лондонов и цюрихов. Сказать, что заседание шло вяло?.. Нет, это только так могло показаться человеку постороннему, посторонних же в этом маленьком зале в доме-новостройке не было.

— Какие у них паспорта?

— Хаим, какие паспорта могут быть у русских?!

— Ничего не значит: если это боевая операция, а не прикрытые еще какой-нибудь... Вполне могут быть и не советские. Болгарские, например, или польские.

— Ни нам, ни голландцам это неизвестно.

— А если у них лессе-пассе?

Разведчик, предложивший такой вариант, был самым молодым в отделе вообще и за этим столом в частности, но слово здесь имели все, без оглядок на чины и звания. Коллеги юнца сперва согласно закивали головами, но потом так же дружно по врожденной привычке стали размахивать перед лицом друг у друга руками:

— Эти паспорта ООН все на учете, их не имеют никакие технические работники, переводчики, эксперты.

— Но ведь у кого-то они все же есть, — настаивал юнец.

В Организации Объединенных Наций есть такая форма отличия для своих ответственных служащих — международный паспорт, лессе-пассе. Изобретен он был для упрощения жизни дипломатов, часто разъезжающих по миру и не имеющих возможности болтаться по консульствам за визами. Паспорт этот по договорам выдавался в индивидуальном порядке, и обладатели его становились как бы целым посольством: номер в гостинице, автомобиль или вертолет, где находится такой чиновник, становятся экстерриториальными.

— Кстати, о задании, Мойша. Что Израилю оттого, что русские взорвут у немцев чего-нибудь?

Шеф не очень-то привык объяснять высшие идеалы демократии и целесообразности террора. Он привык, что его приказ выслушивают, говорят: «Есть!» (или «Есть, полковник!») и начинают «есть». Но так, к сожалению, было только в армии. В разведке принято что-нибудь да обсуждать. Вот как сегодня. Толку от этого никакого, а голова к вечеру лопается от версий, гипотез, сомнений, контрпредложений. Хозяин отдела «Европа-3» (русского) припомнил зачем-то давно не употребляемое матерное ругательство из своей юности...

— Объясняю: за «Свободой» следует «Голос Израиля». Потом, если им понравится, и другие. Вообще, кабинет министров приказал заканчивать с любыми террористами. Почему КГБ нанимает бывшего полицейского? Может, чтобы списать на Израиль взрыв станции, настроить мир против нас? Им тем самым изменником ведь при случае пожертвовать — раз плюнуть. На том радио немало наших людей по крови. Легально работающих и...

Это и так все понимали. Длинная беседа, при которой не велось никаких записей, протоколов, отчетов, уже всех утомила. Но в разведке работают особые люди. Потом, имейте совесть: перед каждым стояли чашки с чаем или кофе, на столе были соки и печенье. Они не сидели сей момент в тюрьме (а пятеро из семи заседавших отмечались

в этих боюгоодных заведениях в разных странах), это не была палата приговоренных в больнице... Жизнь, в сущности, была не так плоха, несмотря на жару.

Но начальник еще немного поворчал, а потом неожиданно вспомнил...

...Это было в еще более жаркий денек в июне 48-го года. Тогда его рота на сирийской границе держала кусок важного шоссе. Ребята подбили танк, но двоих из армии обороны Израила — ЦАХАЛа — с него подстрелили. Танк остановили, но он почему-то не горел и не взрывался. Ребята решили, что танкисты внутри ждут темноты для того, чтобы смыться из ловушки. Танк окружили и позже поймали троих. С двумя арабами из экипажа разговор затянулся и продолжался минуты полторы. А третий оказался чумазый, но не сириец, а русский.

На войне все ясно. Командир взвода приказал его расстрелять, но чуть подумав, вызвал с вестовым командира роты. Когда капитан Хаит подошел к задержанному, то чуть не выронил из рук французский автомат:

— Мишка? Кожухов? — поразился израильтянин.

Тот придвинулся к нему в траншее:

— Левка? Хаит?

— Я не Левка. Я — Монька.

Это был сосед по дому в Николаеве Кожухов Мишка. Он еще весной сорок первого уехал в танковое. Левка был старшим братом и учился с Мишкой в одном классе, а Моня на четыре года моложе.

— Ты младший? А где Левка?

— Убили там, в Николаеве, в самом начале... За рыбными рядами. Помнишь, на камнях?

— Ну! А ты что здесь делаешь? — спросил пленник.

Капитан пришел в себя:

— Ты, поц, я за свою страну воюю! Это что ты здесь делаешь?!

Русский спокойно пожал плечами:

— Я под погонами, Монька. Куда прикажут...

Капитан Хаит тяжелым взглядом жег коренастого маленького, почти квадратного арестанта. Потом повернулся к белозубому рядовому-сабре и что-то сказал на своем языке. Солдат исчез, но минут через пять явился с вещевым мешком. Тогда капитан спросил у взводного что-то. Тот отлучился на минуту и вернулся с кожуховским пистолетом «ТТ». Капитан бесстрастно расстрелял обойму в землю. Вокруг все молчали. Он сунул танкисту за отворот комбинезона его оружие, вынул из вещмешка запасную гимнастерку, с мясом

отодрал с нее капитанские нашивки и всунул их в кулак остолбеневшего Мишки.

— Зачем это? — не понял пленный.

Капитан так же молча снял с шеи медальон со своей группой крови и какой-то надписью «рассыпанным чаем», как русские шутили над арабской вязью и ивритом.

— Там сирийцы. Иди туда, скажи, убил офицера. Тебе медаль дадут.

— Да ладно, Монька!..

— Иди, Мишка, ты там, в Николаеве, был хорошим парнем... Меня курить учил... Я помню...

Кожухов устался в землю, сжимая почему-то в протянутой вперед руке регалии бывшего земляка. Капитан скомандовал, солдаты охраны расступились, и Мишка Кожухов, ловко подпрыгнув, вылез из израильской траншеи. Он обернулся к капитану:

— Я на фронте два раза горел.

— Понятно...

— Это третий... Ты знаешь, Монька, я ведь только что дома был в отпуске. Перед командировкой... Тетя Рая умерла...

— Какая? Которая семечки?

— Нет, с поликлиники... — на привычном южнорусском диалекте уточнил пленный.

Капитан и танкист помолчали. Первым заговорил ротный:

— Ясно. Иди.

Сам капитан, понаблюдав, пока в темноте не пропадет кряжистая фигура танкиста, отправился к начальнику штаба батальона с докладом о своем подвиге.

К удивлению Моисея Хаита, его не только не разжаловали, но даже и не наказали. Через день приехавший в часть бригадный генерал сказал ему:

— Ладно, не грусти. Был капитан Хаит, стал майор Левит. Тебя хотят забрать в разведку, и твоя вчерашняя смерть нам на руку. Шалом в «Моссад», майор!

А Мишка Кожухов стал Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом танковых войск...

Разговор за столом продолжался до окончательной головной занозы.

ГЛАВА XII А СЛАДКОЙ СЛЮНЫ НЕ НАДО?

10–11 июля 1964 года

— Иван Валентинович? — осведомилась трубка телефона.

— Иван Валентинович, — ответил Иван Валентинович.

— Это ваш давешний знакомец говорит, Гольков Вячеслав.

— Ох, здравствуйте, Вячеслав Николаевич.

— Валентиныч, — уже менее формально сказала трубка, — ты не можешь мне устроить встречу с твоим напарником?

— Тамары сейчас в здании нет.

— Да ладно! Я разве об ней?! С тем... пацаном, что с фотки.

Полковник вмиг сжался, соображая, как бы увильнуть от просьбы:

— Вы же понимаете — я не хозяин бани...

— Ага, понимаю. Ты мне скажи, на какую страничку в книжке позвонить? На вторую или на четырнадцатую?

«Это он говорит о телефоне правительственной связи. На второй телефон председателя Комитета, а на четырнадцатой — начальника Первого управления, заграничной разведки», — быстро высчитал полковник и отметил про себя, что любой подслушивающий ничего бы не понял из их разговора. Молодец, старикан, понимает толк в секретной работе — ведь они говорили по городскому телефону.

— Наверное, на четырнадцатую. Эвересты тут не требуются.

— Лады. Не отходи от своего стола. Щас тебе перезвонят.

«Перезвонят», — мысленно поправил Солнцев академика и стал ждать звонков по внутренней связи. И ждал его примерно минуту. Телефон нетерпеливо, по-начальственному внушительно вякнул, полковник снял трубку и сразу узнал голос генерала:

— Иван Валентинович, все просьбы нашего... э-э... друга выполнять немедленно. Доложите от моего имени своему руководству.

— Есть!

Еще через минуту задребезжал городской аппарат.

— Дозвонились?

— Да. Я должен дать знать приятелю экстренно. Когда хотите увидеться и где?

— Ко мне ему приезжать... это... не стоит. К тебе, Валентиныч, — тоже разговора не получится. Согласен?

— Пожалуй.

— Тогда где же?

— Где скажете.

— К нему идти — мне не резон, так?

Полковник промолчал: дед сам все решит, если уже не решил. А так оно и было.

— Иван, ты музей при министерстве коммунально-бытового хозяйства РСФСР знаешь? На улице Станиславского?

— Честно говоря... Найдю, конечно, Вячеслав Николаевич.

Дед подвел итог:

— Тогда завтра, в одиннадцать, внутри. Идет?

— Вероятно... То есть да.

Мало того, что полковник Солнцев не подозревал, что прачечные, сапожные мастерские и артели надомников имели свое министерство в Москве, так, оказывается, у них был еще и музей! Он быстро навел справки, связался с этим самым музеем, дал запрос в службу внешнего наблюдения на охрану на завтра. Вызвонил Серебрякова и назначил ему встречу.

Музей находился в самом центре города, но в таком узком переулке, где никто даже не подозревал о его существовании. Кругом были иностранные посольства, у которых в те времена москвичи и гости столицы не имели еще глупого желания кучковаться. Музей был приземистый, как сундук купчихи, подозрительной архитектуры — с толстыми псевдорусскими колоннами, разукрашенными гипсовыми лентами, размалеванными к тому же разными красками, что тебе купола собора Василия Блаженного на Красной площади. Трехэтажное здание, маленькая вывеска, узкие занавешенные окна-бойницы. Вход — пятнадцать копеек, детям — пять.

Вся экспозиция находилась на первом этаже, обслуживалась она единственной кассиром-билетером-служительницей. Солнцев сдал свой плащ в гардероб, купил билет (и аккуратно положил корешок в карман, будет подшит в дело, ведь это агентурная операция). Через пять минут появился профессор. Сегодня он был в цивильном неброском костюме, побрит, в очках и в галстук. На лице — скромное и трезвое выражение сосредоточенности.

Глупость встречи никак не давала возможность полковнику КГБ решить: здороваться с Гольковым или нет? Эту проблему решил сам Вячеслав Николаевич:

— Здравствуйте, Иван Валентинович. Легко нашли?

— Ну... нашел.

— Где клиент?

— Еще без трех минут, — оправдывался за подотчетного чекист.

— Ах да, аккуратист. Конечно... немецкая коммандатура и все такое прочее.

— Все шутите, — недовольно пробурчал Солнцев.

— Да ну! Сатира никого не исправляет, а только озлобляет дураков... Сказали ему, для чего встреча?

— Нет. Я и сама ведь не знаю, — уколол полковник профессора.

— Захотелось мне на него взглянуть. Вспомнить себя двадцать лет назад.

— И только? — не понял замысла Солнцев.

— Для меня достаточно. Вам руководство звонило?

При слове «руководство» чекист быстро осмотрелся по сторонам. Но билетерша, хоть и удивленная в начале немислимому наплыву посетителей с утра в забытое Богом и людьми место, дремала у входа, а они находились за каким-то стендом с фотографиями лжеинвалидов, что закрывал их от взора престарелого музейного работника.

— Звонило, — сдержанно подтвердил полковник.

— Оно ясно выражалось? — все настаивал старик.

— Совершенно определенно... А вот и наш пострел.

В зал вошел третий посетитель. Музей МКБХ в этот момент своей истории стал уже походить по количеству любознательных прямо на Лувр в августе. Серебряков подошел к группе скрывшихся и поздоровался с ними вежливым полупоклоном. Что-то в лице старика показалось ему знакомым, он на секунду очень пристально вцепил в него взгляд, но тут же обратился к Солнцеву.

— Приятно встретиться в этом оазисе культуры. Признаться, никогда не был. Чуть не опоздал. Виноват, похулиганил немного: уточнил адрес у ваших ребят в машине. А где же экскурсии? Где гиды?

— Бей гидо-ов, спасай Россию! — не к месту раздухарился профессор.

— Напрасно так с наружной, — буркнул полковник, раздраженный непонятной своей ролью во всем этом деле: какая у него роль? — И так...

Профессор же совершенно беззастенчиво разглядывал молодого мужчину.

— Игорь... кажется?

— Так точно, господин генерал-майор, — ответил агент.

— Ха! — Рот деда расплылся в самодовольной и саркастической улыбке, демонстрируя идеальный капиталистический зубной протез без стали и сплавов. — А говорят, только у стариков маразм. Не-а, молодые тоже разные попадают! Полковник, мой голубчик, полковник!

Игорь Серебряков, агент КГБ Барон, спокойно скривил губы:

— Как прикажете, конечно... Только зачем секретить?

При слове «секретить» Солнцев опять молниеносно выглянул из-за стенда на служительницу коммунальных муз. Та преспокойно дремала.

— Да успокойтесь, полковник, она глухая. Когда мне подбирали точку, то подобрали какую следует. Научились работать... Почему «секретить», Игорь? — удивленно как-то спросил профессор.

— Нам же читали приказ по РОА... Кажется... Нет, точно, первого мая — потому и запомнил, что праздник... Вам Главнокомандующий присвоил звание генерал-майора. Я бы в той кутерьме не запомнил, да отложилось потому, как вы мне награду вручали.

— Постой, постой, ты хочешь сказать, что Власов дал мне генерала? — медленно произнес дед.

— Да, мы уже тогда в Дании были, но по радио приказ приняли... А вы что, не знали? — удивился агент, в свою очередь вглядываясь во враз очумевшее лицо старика.

Тот отрицательно помотал головой:

— Я 29 апреля попал в плен к англичанам, — тихо вымолвил он.

— Нет, нет, господин генерал, я приказ отчетливо помню. Был дежурным офицером по штабу. Порадовался за вас, помнится.

Старик был ошеломлен:

— Полковник, вам об этом говорили?

— Нет.

— Но ведь, Игорь... как вас?

— Олегович, — подсказал вежливый Барон.

— ...Олегович, но ведь по документам не проходило. Я смотрел по архивам...

— Наши радиogramму к делу подшили. По уставу, как полагается. Наверное, у американцев он сохранился. Канадцы тогда все бумаги им сдавали. Значит, приказ был, его должен был завизировать наш начальник штаба. Если помните, с документами никогда не шутили.

— Значит, я — генерал? — как-то растерянно проблеял Гольков.

— Так точно, господин генерал. Выходит, не знали... Что же, поздравляю, коли я первый...

Гольков, как конь от оводов, помотал башкой, оценивая услышанное. Потом зачем-то зашарил по карманам, стал вынимать какие-то бумажки и неожиданно достал обандероленную банковскую пачку пятидесятирублевых ассигнаций.

— Голубчики, посмотрите, сколько тут, — и сунул пачку полковнику.

На пачке для тупых было пропечатано: «1 (одна) тысяча рублей. Госбанк СССР». — На кабак нам хватит? Я давно из дома не выходил, забыл цены...

— На скромный хватит, — подтвердил Игорь-Барон. — Примерно... дней на пять.

— Так пошли же скорей, друзья мои! Какая новость! Я-то хотел Игоря расспросить для одного доклада в международный отдел ЦК... ну там, по поводу этого секретного института в Люблино... Господи! Игорек, Ваня! Ух, я сегодня дам дрозда! Где тут Кана Галилейская, как обещал нам Иоанн?!

— Кто? Что? — ничего не понял сухарь-чекист, не сильный в мифологии.

— Это из Нового Завета, — деликатно вставил начитанный изменник. — Там некий фокусник... Иисус Христос... превращал на празднике воду в вино...

— Молодец, Игоряша, — одобрительно, как любимому сыну, сказал бывший секретный ре-

зидент. — Игорь, Ванька ни хера не знает, где лучше всего сейчас можно хрюкнуть? Или все закрыто?

— «Арагви» уже открылся... ходу десять минут... если дать официанту червонец, будем сидеть в отдельном кабинете. Если два — нам подадут жаренного ребенка шеф-повара...

Лицо профессора тайных наук лучилось, что твое солнце:

— Ты эти шуточки брось, гестаповская морда!

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Яволь, экселенц! — Умелее и звонче, нежели стопроцентный кадровый Солнцев, Серебряков щелкнул каблуками.

«Ну, началось! — неприятно заняло в животе у чекиста. — Только бы они “Хорст Вессель” не затянули... Где здесь этот гребаный телефон?»

Продолжение следует.